

ОСЬМУХИНА О. Ю. ЗЕРКАЛО (ЗЕРКАЛЬНОСТЬ)

Аннотация: В статье дается определение категории зеркальности, рассматривается ее значение в мифологическом сознании, в эпоху Средневековья, в начале XX века. Подчеркивается вклад М. Бахтина в осмысление этого феномена.

Ключевые слова: зеркало (зеркальность), М. Бахтин.

Зеркало (зеркальность) – философско-эстетический феномен, а также категория современной культурологии, семиотики и литературоведения.

В сознании мифологическом зеркало (или заменяющие его отражающие поверхности) воспринималось как граница между мирья (мира земного и потустороннего), в качестве одного из неотъемлемых атрибутов смерти. Оно являлось источником силы и могущества для того, кто постиг его волшебство, и способом обретения власти над пространством, демонстрируя своему хозяину происходящее в любой точке земли, что в последствие нашло отражение в литературных текстах с фольклорной основой (А. С. Пушкин «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях», М. Кузмин «Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро», А. Толстой «Аэлита»). В фольклорной традиции в форме отражения в зеркале (вариант – тени) выступает двойник человека, амбивалентно знаменующий жизненную силу, обновление, или же превращающийся в отвергаемое «я», преследующее своего «героя» (А. фон Шамиссо «Удивительная история Петера Шлемиля», Э. Т. А. Гофман «Приключение в ночь под Новый год», Э. По «Вильям Вильсон», Ф. Достоевский «Двойник»). Именно отражение (тень) было тем первым средством, с помощью которых человек и увидел собственное тело, и «объективировал» собственную душу, причем произошедший в результате разделения человеческого «я» двойник, обладавший даром бессмертия, и защищал от смерти, и напоминал человеку о ней, демонстрируя «призрака смерти», никогда его не покидающего.

В эпоху Средневековья понятие «зеркало» несло в себе не только мистический оттенок (считалось, что блеск зеркал обманчив, само зеркало связано с дьяволом и способно заманить человека в ловушку), но и иное значение, традиционно передающееся формой «зерцало» – особый жанр морализаторских, дидактических повествований, предлагающих читателю идеальную поведенческую модель и претендовавший на роль своеобразных «энциклопедий» по различным областям знания («Зерцало природы», «Зерцало учености», «Зерцало истории» Винченция из Бове, «Рыцарское зеркало» И. Роте). В эпоху Ренессанса направленность «зеркальной» темы несколько меняется, в связи с осмыслением личностью идеи бесконечности вселенной, использованием «науки о зрении и видении» с целью дистанцирования от мира, взгляда на него со стороны и оценки его размеров. Теперь зеркало служит не только медиатором в системе аналогий и иерархических связей, но и выражением тождества мира чувственного со сверхчувственным, средством сопоставления космоса и мира осязаемого (философская система Николая Кузанского). Зеркало, кроме того, представляет собой инструмент зрелища, позволяющий предаваться «оптическим играм», выявлявшим идентичность объекта и его изображения, а также «угол зрения» на мир, «соучастника» столкновения и слияния человека с самим собой (Ж. де Шен «Зеркало мира», Ж. Бессон «Космолаб, или Универсальный инструмент»). В XVII столетии зеркало подменяет реальность ее симметричной копией, превращая

жизнь в театральный спектакль, зеркальная галерея символизирует общественный парадокс, где каждый видим и может увидеть других, оборачивая их взгляды на себя. Поиски скрытого «внутреннего» человека, истины под покровом мнимости осуществляются в это время посредством живописных и литературных портретов, служивших функциональным аналогом зеркал (Вермеер «В мастерской художника», Рембрандт «Автопортрет»). В последующие эпохи зеркало становится не просто распространенным предметом обихода, но и рассматривается как некий символический предмет, сопровождающий искания человека в процессе становления личности, самопознания, поскольку в собственном отражении можно открывать сходства или различия, родство или чуждость самому себе.

Наиболее полно мифологема зеркала реализуется в литературно-художественном сознании начала XX столетия (в России – в эпоху Серебряного века), особенно в поэтике символизма, причем – мотив зеркальности становится одной из основ художественного метода символистов, прочно укореняется в сознании. Зеркало играет функциональную роль границы между мирами – границы одновременно материальной (поскольку зеркало – материальный предмет, сделанный из стекла) и нематериальной (поскольку отражающую поверхность зеркала видеть невозможно). Сами миры – отраженные и отражаемые – отождествлялись с символистским миропониманием о соответствии идеального и реального во вселенной, в их взаимосвязи и одновременной мнимости внешнего сходства, что реализовалось в литературной практике – обыгрывании темы зеркальных двойников и взаимоотраженных миров (А. Белый «Возврат», Ф. Сологуб «Капли крови», В. Брюсов «В зеркале», В. Набоков «Защита Лужина»). В поэтике символизма зеркало, помимо темы маски, двойничества, соотносится с темой смерти, обретает эротическую коннотацию, сочетается с мотивом безумия (З. Гиппиус «Зеркала», М. Волошин «Зеркало», А. Введенский «Елка у Ивановых»), а также становится опредмеченным метаописанием нарративных взаимоотношений между автором – повествователем – героями (К. Вагинов «Козлиная песнь», «Труды и дни Свистонова», В. Набоков «Машенька», «Дар»).

Феномен зеркала, претерпев значительную эволюцию и трансформацию, является не только одним из основополагающих мотивов в культуре и литературе XX столетия и активно педалируемой темой многих поэтов и писателей, но и получает осмысление в ряде культурологических и философских изысканий при рассмотрении проблем самосознания, в качестве средства самоидентификации своего «я-бытия» (М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман, Г. Г. Шпет, Ю. И. Левин, Ж. Лакан).

М. М. Бахтин (1895-1975) – мыслитель, филолог, реформатор-методолог гуманитарных наук, объектом осмысления которого феномен зеркала становится уже в начале 1920-х гг.: ученый анализирует пространственную ситуацию «человек у зеркала», в которой зеркало есть своеобразное средство самообъективации, с помощью него становится возможным осмысление себя («Автор и герой в эстетической деятельности»). Феномен зеркала здесь непосредственно связывается с категориями «другого» (выступающего фактически в качестве «я – двойника» и превращающего «других» в объекты собственного видения), «внезаходимости», «самообъективации», которые в последствии станут доминантными в диалогической концепции ученого. Ситуация «человек у зеркала» становится в нравственной философии М. М. Бахтина «универсальной метафорой», которая реализуется и в первой редакции книги о Достоевском, причем в контексте анализа

духовной ситуации самосознания человека-личности: «функцию зеркала выполняет и постоянная мучительная рефлексия героев над своей наружностью, а для Голядкина – его двойник», – а в последствии будет внесена и несколько доработана в «Проблемах поэтики». Кроме того, о важности для М. М. Бахтина проблемы зеркала/зеркальности свидетельствует и то, что в «Дополнениях и изменениях к «Достоевскому» (1961) он не просто вновь обратился именно к этой теме, но и наметил дальнейшую ее разработку, поставив зеркало и созерцание собственной наружности в единый смысловой ряд с «зеркалом чужого сознания», предлагая диалогический контекст «зеркальности» – герои Достоевского рефлектируют не только по поводу собственной внешности, но и «внутреннего» облика, отраженного в «другом». В работах 1940 – начала 1960-х гг. явление зеркальности вновь связывается ученым с понятиями «другого» и «внеаходимости», обретая особую значимость в эскизном наброске «<К вопросам самосознания и самооценки...>», при рассмотрении теоретических вопросов самосознания. М. М. Бахтин, выходя здесь за рамки сугубо философской проблематики, осмысливает образ «человека у зеркала» в качестве нескольких составляющих – «примитивной позиции самосознания» созерцающего собственную наружность («внешний» образ) и одновременно, «самосознание» с позиций «другого». Подобная трактовка зеркала как объекта схождения «своего» и «чужого» не только взгляда, но и сознания и слова, восходящая во многом к «Автору и герою в эстетической деятельности» и к первой редакции книги о Достоевском, представлена и в заметках 1961 г. В тексте «К философским основам гуманитарных наук» появляется образ несколько иного зеркала – «зеркала абсолютного сочувствия», связанного с «благодатной зеркальностью бытия» (восходящей к одному из поэтических образов Ф. И. Тютчева), отражающей личность адекватно – как «истинное» «я-для-себя». Сходная идея о невозможности отражения истинного «лика» при органичном слиянии «внешнего» и «внутреннего» облика человека, но вероятности их «смещения» прослеживается также в наброске «<Риторика, в меру своей лживости...>». Таким образом, зеркало/зеркальность, являясь сквозной темой фактически полувекового научного наследия мыслителя (от «Автора и героя» до «Проблем текста»), предстает не просто в качестве ремарок к анализу произведений Достоевского, метафор в описаниях экзистенциальных ситуаций или же связывается с мотивами «двойника», «зеркальной одержимости» и ненависти к ней, «внеаходимости», но кроме того, ей посвящается специальный краткий текст «Человек у зеркала», в котором конспективно намечаются важнейшие, по мнению ученого, аспекты исследуемой проблемы.

Литература: Бахтин М. М. К философским основам гуманитарных наук // Бахтин М. М. Собрание сочинений. В 7 т. М., 1997. Т. 5; Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского // Там же; Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979; Кобринский А. А. Поэтика "ОБЭРИУ". Том 1. М., 2000; Лакан Ж. Инстанция буквы, или судьба разума после Фрейда. М., 1997; Левин Ю. И. Зеркало как потенциальный семиотический объект // Труды по знаковым системам, т. XXII, Тарту, 1988; Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992; Мельшиор-Бонне С. История зеркала. М., 2006; Осьмухина О. Ю. Мотив зеркальности в литературном сознании XX столетия и научная концепция М. М. Бахтина // М. М. Бахтин в Саранске: документы, материалы, исследования. Вып. II-III. Саранск, 2006; Фрэнгер Дж. Золотая ветвь. М., 1986; Шпет Г. Г. Философские этюды. М., 1994.